

ОТКРЫТАЯ КАФЕДРА

В январе 2006 г. в Московском гуманитарном университете создана лаборатория личностного роста с задачами научно-исследовательской работы и осуществления образовательных программ для студентов МосГУ. Лабораторию возглавил известный ученый доктор философских наук и филологических наук, профессор Павел Семенович Гуревич. Один из замыслов, который предстоит реализовать в лаборатории, автор представляет в нашем журнале под рубрикой «Открытая кафедра».

П. С. ГУРЕВИЧ

Искусство устного слова

Оратор поднялся на кафедру, аккуратно разложил листочки, поправил очки и только после этого взглянул на аудиторию:

— Дорогие товарищи! Я сегодня, — сказал выступающий и стремительно взглянул на собственные записи, — ужасно волнуюсь. Всем прекрасно известно, что...

Оратор снова опустил глаза, чтобы прочитать про то, что всем прекрасно известно. Найдя нужные строчки, он строго посмотрел на аудиторию:

— Не секрет, что многие позволяют себе...

Выступавший опять сверился с текстом, чтобы узнать, что же позволяют себе многие...

Слушатели внимательно слушали оратора. Они уже давно поняли, что выступающий несколько не волнуется, что сам он понятия не имеет о том, что всем давно известно. Строго говоря, он даже не дает себе отчета в том, что он говорит: ведь надо взглядывать в бумажки и время от времени бросать взгляд на аудиторию. Так заведено, не он это придумал.

Мы давно утратили навыки устной речи. Знакомая фигура — человек с листочками — вызывает ува-

жение. Он солиден, бумажки при нем. Дома он основательно готовился к выступлению, выводил строчки, подчеркивал самое важное. И вот он на трибуне, выглядит солидно, осанисто и с удивлением обнаруживает из текста, что он, оказывается, волнуется.

Казалось бы, дело ясное: если некто владеет материалом, бумажки ему не нужны. Но вот я поделился своими соображениями с уважаемым коллегой и он сказал:

— На многочисленных научных конференциях, в которых я участвовал, я ни разу не видел оратора без конспекта... Это традиция, стиль, тон, внушительное свидетельство академизма.

Но разве устное слово менее выразительно, чем прочитанное? Ведь оно интонационно богаче, сохраняет эффект живого, трепетного общения. Почему же мы отреклись от него?

Вспоминаю эпизод из истории радиовещания. Сергей Владимирович Образцов по-

бывал во Франции. Он привез записи песен Ива Монтаня, музыки из кинофильмов. В радиостудии с ним договаривались о том, что он выкроит время и напишет несколько очерков о Франции. Сергей Владимирович дал обещание, а на прощание поставил пластинку. Пока звучал голос певца, он стал давать пояснение:

— Представьте себе парижское кафе. Лучи вечернего солнца проникают через ажурные шторы. Вечер наполняется ароматом. И тут выходит он... Расстегнутая рубашка, свободный пиджак. В нем нет ничего торжественного, натянутого. Он прост, раскован. И звучит его голос.

Сергей Владимирович увлекся. Он рассказывал, а в студию постепенно заходили журналисты, привлеченные музыкой. Оператор незаметно нажал на записывающую кнопку. Главный редактор долго жал руку Образцову:

— Не затягивайте, пожалуйста, пишите тексты скорее...

На другой день оператор признался, что записал рассказ Образцова. Опять стали слушать записи и вдруг всем стало ясно, что никаких текстов не надо. Этот взволнованный, непричесанный материал эффектнее прочитанного, срепетированного. Импровизация — великая вещь. Слушая оратора, мы следим за рождением его мысли, мы участвуем вместе с ним в поиске слова и радуемся, что оно, наконец, найдено. Устная речь — неотъемлемый пласт культуры.

Изобретение письменности — огромное событие в жизни человечества. Человечество получило возможность фиксировать достижения культуры и передавать их другим поколениям. Письменность позволила множить накопленные богатства. Язык в ней обрел свою подлинную духовность, поскольку перед лицом письменного предания понимающее сознание достигает полной суверенности.

Однако Сократ подчеркивал и другую сторону этой проблемы. С изобретением письменности люди могут утратить грандиозные возможности человеческой памяти.

Ведь в устной культуре приходится «держаться при себе» огромный клад знаний. В письменной — многое может храниться в кладовых текста. Но еще и иное — устная культура получит возможность вообще исчезнуть...

Известный немецкий философ Г. Г. Гадамер справедливо полагал, что письменные тексты ставят перед людьми собственно герменевтическую задачу. Письменность есть самоотчуждение. Преодоление его, прочтение текста есть, таким образом, высочайшая задача понимания. Даже сами письменные знаки какой-нибудь, к примеру, надписи невозможно разобрать и правильно произнести, если мы не в состоянии вновь превратить текст в язык. Процесс понимания целиком осуществляется здесь в смысловой сфере, непосредственной языковым преданием. Какая-нибудь надпись поэтому ставит герменевтическую задачу лишь тогда, когда уже существует ее (предположительно правильная) расшифровка. Лишь в широком смысле можно говорить о герменевтической задаче применительно к неписьменным памятникам. Ведь они не могут быть поняты из самих себя. То, что они означают, есть вопрос их толкования, а не расшифровка в дословном понимании. Не случайно вместе с возникновением литературной культуры понятие филологии, любви к слову полностью перешло на всеохватывающее искусство чтения, утратив свою исконную связь с заботой о речах и аргументации. Читающее сознание необходимым образом является историческим сознанием, находящимся в свободной коммуникации с историческим преданием. Письменность — это не просто какое-то случайное добавление к устному преданию, ничего в нем качественно не меняющее. Воля к сохранению, воля к деятельности может, разумеется, существовать и без письма. Однако лишь письменное предание способно отделить себя от простого бытия остатков исчезнувшей жизни, позволяющих человеческому бытию строить догадки о себе самом.

Но вот Г. Г. Гадамер пишет: «Однажды мне довелось наблюдать в берлинском отеле

военную делегацию из Финляндии — офицеры сидели за круглым столом молча, погруженные в себя: сидевших рядом разделяла бескрайняя тундра, их душевный ландшафт, непреодолимая дистанция. Кто, приехав с Севера, не изумлялся непрерывному прибою — шумным, гулким волнам разговора на площадях и рынках южных стран, Испании или Италии! Но, вполне возможно, мы не должны рассматривать одно — как нежелание вступать в разговор, другое — как особенный дар вести беседу. Потому что вполне вероятно, что разговор — это нечто иное, нежели беспрестанно меняющий свою динамику обиходный стиль компанейской жизни. И нельзя сомневаться в том, что жалобы на неспособность к разговору подразумевали не этот стиль, а разговор в более ответственном смысле слова» (Гадамер 1981: 40).

Итак, утрачено искусство обыкновенного общения, предполагающего разговор. Но забыто вообще искусство устной речи. Нередко, слушая студентов, я не могу понять, про что они говорят. Они не общаются, а бубнят, проглатывают слова, пренебрегая интонационным богатством разговора. Скрадываются эмоции, остается стертый поток безличной речи. Между прочим, в античной Греции основным предметом образования считалась риторика.

Риторика (греч. *tehne rhetorike*) — искусство красноречия. Свойственная южным народам природная общительность и врожденные ораторские способности, а также отсутствие в древности иных средств массовой коммуникации (письменные документы могли размножаться лишь в очень ограниченном объеме) явились причинами того, что в античности живое слово имело гораздо большее значение, чем в наши дни, тем более что владение им было важнейшим и наиболее действенным способом достижения авторитета в обществе и политического успеха. Политику приходилось выступать в собрании совета и на народных собраниях, полководцу — перед войском, частному лицу — перед судом, а также на празднествах, дружеских встречах, поминках и т. п. Поэто-

му уже в ранний период начались поиски условий действенности речи и стремление к теоретическому обоснованию возможности научить красноречию и овладеть им.

Риторика как наука убеждения словом возникла в Древней Греции в V в. до н. э., когда наметились теоретическое осмысление и обобщение достижений словесных искусств. Она прежде всего была связана с прозаическим и притом устным текстом. Это была наука о составлении речей. Позднее риторика стала обслуживать нужды как горящего, так и пишущего. Она вооружала автора средствами, делающими текст убедительным.

В античном мире риторика как наука убеждать играла огромную роль, открывая для овладевших ею путь к общественной деятельности и высокому положению в обществе. В эпоху поздней античности риторика служила своеобразным средством, скреплявшим единое культурное пространство греко-латинского мира. Люди, прошедшие ее школу, были воспитаны на работах одних и тех же авторов и, соответственно, ценностях и хорошо понимали друг друга (см.: Хазагеров, Корнилова 2001).

Первым учебником риторики было, вероятно, написанное в V веке до н. э. двумя сицилийскими греками из Сиракуз Кораком и Тисием несохранившееся сочинение. Первые достижения художественного красноречия были перенесены из Сицилии в Афины Георгием.

В Афинах риторику развивали Горгий и другие софисты, прежде всего Фрасимах из Калхедона и Протагор, сделавшие ее важнейшим предметом высшего образования. Впервые предметом, завершающим курс обучения, риторику сделал Исократ, поставивший ее на службу энциклопедическому высшему образованию. В отличие от Исократ и софистов, видевших в красноречии средство достижения власти над людьми, Аристотель рассматривал риторику как необходимое полезное умение защитить себя и помочь справедливости. В дошедшем до нас сочинении «Риторика» в трех книгах

Аристотель изложил научные основы красноречия и выдвинул в качестве его задачи достижение правдоподобия. Одновременно с разработкой теоретической риторики высшего расцвета достигает в Греции во 2-й половине V-IV века до н. э. практическое красноречие в лице Демосфена и других ораторов, впоследствии включенных в канон десяти аттических ораторов. После битвы при Херонее (338 до н. э.) Греция утратила политическую самостоятельность и практическое красноречие лишилось важнейшей области приложения — игры политических сил, что привело к его быстрому упадку.

Стилистическая форма стала цениться выше, чем содержание. В городах Малой Азии возник новый стилистический тип красноречия — азианизм, столь же искусственный, как и его стилистический антипод атицизм I века до н. э., тяготевший к бесплодному классицизму. Хотя риторическая теория непрерывно совершенствовалась и ее система тщательно разрабатывалась, связь риторики с практикой постепенно терялась.

В то же время риторика стала важнейшим предметом обучения, притязавшим, подобно философии, на общеобразовательное значение. Поэтому риторика стала оказывать определяющее влияние на всю литературу, выдвинув на первый план изящество художественной формы и стремление к достижению внешних эффектов. Еще один расцвет греческое красноречие пережило во II веке до н. э. в период так называемой второй софистики.

Римлянам было присуще, как это видно по сохранившимся фрагментам долитературной сакральной поэзии, природное риторическое дарование. Вместе с греческой системой образования римляне переняли во II веке до н. э. и греческую риторику, которая вследствие практической полезности для общества и общественной и политической жизни вскоре стала важнейшим предметом образования каждого знатного человека. Одновременно в патриотически настроенных кругах растет сопротивление греческому красноречию как иноземному

искусству, предмет которого состоит во внешнем изяществе словесного выражения, а не в глубине конкретного содержания. Главой этого движения был Катон Старший, крупнейший оратор раннереспубликанского времени. Катон оставил для своего сына несохранившееся руководство по риторике, главная идея которого выражена в следующем правиле: «Не упускай дела, а слова найдутся». О том, сколь сильным было это противодействие, говорит тот факт, что в 161 г. до н. э. из Рима были выдворены все греческие учителя красноречия. Однако уже во второй половине II века до н. э. греческое красноречие в Риме утвердилось окончательно.

Римское красноречие достигло апогея в лице Цицерона в период политической смуты конца республиканской эпохи. О гениальном риторическом даровании Цицерона свидетельствует не только более 50 полностью сохранившихся речей, но и его сочинения по теории риторики, в которых он стремится к объединению теоретических положений и предписаний греческой риторики с прочно привязанной к общественно-политической жизни практикой римского красноречия. В соответствии с римской риторической традицией Цицерон выдвигал идеал всесторонне образованного оратора-философа, сочетающего качества государственного деятеля и политика. Самостоятельную позицию Цицерон занял и во вспыхнувшем в Риме споре между азианистами и атицистами. Язык Цицерона до сих пор остается классической нормой латинской прозы.

После падения Республики красноречие в Риме претерпело те же изменения, что и в Греции. Не находившая более в политической жизни достаточного поля деятельности риторика потеряла связь с практикой и перешла в школу. Школьное красноречие ограничивалось учебными и торжественными речами, в которых ценилась внешняя эффективность стилистической формы, а не конкретное содержание. Это видно из сохранившихся образцов школьных декламаций (Сенека Старший, Квинтилиан).

Римская литература также испытала влияние риторики. Борьба азианизма и аттицизма в новой форме выразилась в споре между представителями «нового» и архизирующего направлений. Квинтилиан, будучи первым в Риме учителем риторики на государственном содержании, дал в своем сочинении «Наставление оратору» в 12 книгах полное из известных нам античных руководств по подготовке оратора. В споре во 2-й половине I века до н. э. он занял промежуточную позицию, состоявшую в требовании возврата к Цицероновскому красноречию. Во II веке появилось архаизирующее направление, первым выдающимся представителем которого был Фронтон, учитель и воспитатель императоров Марка Аврелия и Вера. Цицеронианизм просуществовал в римской литературе недолгое время. Последующее влияние античной риторики простирается от средневековых латинских школ и университетов, где она была центральным предметом изучения, до современного преподавания литературы и литературоведения.

Система теории риторики в основных чертах сформировалась в IV веке до н. э., затем она все более усложнялась и дифференцировалась. Греческая риторическая терминология имеет соответствия в латинском языке, она охватывает все элементы системы риторики, необходимые для оратора: природные способности, обучение искусству красноречия, подражание образцам и постоянное упражнение, практический опыт.

Существовали три вида красноречия: судебное, совещательное и предназначавшееся для торжественных случаев — эпидиктическое. Задачами оратора считались собирание материала и выбор точки зрения, распределение материала, запоминание речи или выучивание ее наизусть. Речь должна состоять из следующих частей: вступление, изложение существа дела, приведение доказательств и заключение. Перед изложением часто помещалось перечисление ключевых моментов речи, а доказательная часть разделялась на доказательство собственных положений и опровержение утверждений про-

тивника. Так, среди задач оратора важнейшее место занимает придание речи стилистически правильной формы, особое значение приобретает учение о стиле. Различались три стиля: удобный для поучения, сухой стиль, приспособленный более для судебного красноречия; имеющий целью тронуть слушателя возвышенный стиль, который использовался преимущественно в совещательном роде красноречия; предназначенный для того, чтобы усладить слушателя, средний стиль, уместный в торжественном роде красноречия. В каждом из трех стилей должны быть соблюдены требования языковой правильности, ясности, уместности и украшенности. Украшения речи образуют ядро учения о стиле и детально излагаются в учебниках риторики.

Софистами первоначально в классической Греции называли мыслителей и мудрецов. Позднее учителей красноречия. Благодаря их стремлению добиваться в споре победы любой ценой они превратили дискуссию в пустую, хитроумную, кажущуюся мудрость. С середины V века софистами стали называть появившиеся тогда платных преподавателей, учивших убедительно защищать любую точку зрения, необходимую для достижения поставленной цели. Отсюда «софист» в одиозном значении — лицо, которое строит ложные умозаключения и ищет корысти от такой мнимой аргументации.

Встречаясь с софистами, Сократ пытался доказать, что истина не влетает, как жареный голубь в разинутый от удивления рот, но за нее, как и за всякое высшее благо, нужно бороться. Эта потребность в истине есть движущий мотив деятельности Сократа. Но она не только черта характера этого человека, но и опирается на ясное убеждение. В этом и состоит ее положительная сторона.

В античной философии сложилась особая мыслительная установка, которую называли релятивизмом. Релятивистами все знания рассматриваются как относительно правильные. Все зависит от положения, от обстоятельств. Посмотришь с одной стороны, вроде, правильно такое утверждение.

А поглядишь с иной позиции, нет, похоже, это ошибка. Правда совсем в другом. Особенно высоко ценили релятивисты телесное и душевное состояние мыслителя. Мы сказали бы проще: если человек с утра мрачен, перед ним одни откровения. А если он здоров и погода отличная, многое может показаться ему совсем в ином свете.

Когда речь идет об абстрактном истине, с этим можно как-то примириться. Но ведь существуют критерии добра и зла. Это плохо, а это — совсем наоборот. С точки зрения релятивиста никаких нравственных основоположений нет. Тебе кажется, что я поступил аморально, а мне мнится: я самый совершенный и добродетельный человек. Просто у меня своя точка зрения на поступок. Надо сказать, что в последующем развитии философии, особенно в сфере развития философии культуры и философии истории, релятивизм исповедовался довольно часто. Но не потому ли имя софиста стало нарицательным, а имя Сократа, который предпочел смерть беспринципности, — нравственным идеалом?

Отчего же не возродить сегодня древнее ораторское искусство? В истории философского мышления феномен разговора, и в особенности выдающаяся форма его, разговор с глазу на глаз, именуемый диалогом, тоже сыграл свою роль в том самом противостоянии, какое мы только что осознали в качестве всеобщего культурного феномена. Прежде всего, эпоха романтизма, а затем ее повторение в XX веке отвели феномену разговора критическую роль, противопоставив его роковой монололизации философского мышления. Такие мастера разговора, как Фридрих Шлейермахер, гений дружбы, как Фридрих Шлегель, всеобщая отзывчивость которого изливалась

в разговоре, не приобретая устойчивых, непреходящих форм, были в то же время философскими адвокатами диалектики, такой диалектики, которая приписывает особую, преимущественную истинность платоновскому образцу диалога, разговора.

Когда два человека, встречаясь обмениваются мыслями, можно сказать, что здесь противостоят друг другу два мира, два взгляда на мир, два образа мира.

По мнению Г. Г. Гадамера, телефон стал выражением деградации нашей способности вести разговор. Способны ли люди открываться друг другу настолько, чтобы между ними вились нити разговора? Находят ли они друг в друге людей, открытых для разговора?

В еще большей степени мы являемся свидетелями того, как исчезает обмен письмами, переписка. Великие эпистографы принадлежат прошлому, XVII–XVIII векам. Очевидно, век почтовой кареты оказался для этого вида коммуникации более благоприятным, чем технический век полной одновременности вопросов и ответов. В чем и состоит примечательность телефонного разговора. Прежде отвечали «с возвращающейся почтой», что надо было понимать буквально — лошади на конечной станции поворачивали назад. Письмо теперь — отсталое средство информации.

Московский гуманитарный университет открывает курсы по устной речи. Мы хотим научить тех, кто захочет, мастерству устного выражения своих мыслей, умению общаться, вести разговор, говорить без бумажки.

Лит.: Хазагеров Г. Г., Корнилова Е. Е. Риторика для делового человека. Учебное пособие. М., 2001; Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М., 1981.